

Фрегаты поэзии

Споры об этой книге начались еще тогда, когда ее не было. Это не парадокс: уже отрывки из «Воздушных фрегатов» Леонида Мартынова, напечатанные вначале в «Сибирских огнях», а потом в «Нашем современнике», привлекли внимание и читателей, и критики. Еще раз подтвердилась старая истина: подлинное искусство всегда будит наши мысли и чувства, заставляет по-новому взглянуть на привычные вещи.

И вот «Воздушные фрегаты» целиком вышли в московском издательстве «Современник». Теперь можно читать и перечитывать эту необычную книгу, пить по глоткам эту удивительную прозу, настоящую на терпких травах воспоминаний и поэзии.

Что это? Мемуары? Да, но лишь в какой-то степени. Тогда, может быть, это автобиография? Комментарий к собственным стихам? Размышления поэта о поэзии и жизни? И то, и другое, и третье...

Константин Ваншенкин пишет: «Мартынов поразительно

не похож на других — интонацией, манерой, голосом. Между самыми прекрасными поэтами России можно протянуть линии в той или иной степени родственных связей. К нему или от него идущих «кабелей» не видно — это скорее уж внутренняя «проводка».

Добавим к этому, что сам поэт на вопрос газетного интервьюера о принадлежности к той или иной литературной школе ответил: «В школах место школьникам».

В данной связи для читателя «Воздушные фрегаты» — это во многом прекрасный ключ к сложному творчеству большого поэта, к его мировосприятию, к его внутреннему «я».

Как родились такие стихотворные шедевры, как «Река Тишина», «Воздушные фрегаты», «Спор», «Баллада про Великий путь», два недавних стихотворения о Достоевском? Каким богам поэт Мартынов молился в юности и молится сейчас, откуда идет та «внутренняя проводка», о которой говорит Ваншенкин? Ответы

на эти вопросы — в повеллах книги. Глубокие раздумья о сущности поэзии, раздумья Мастера о своем деле не остаются равнодушными любителям литературы. Взять, к примеру, повеллу «Пути поэзии», написанную страстным и одновременно ироничным пером, наполненную тончайшими и точнейшими ассоциациями. Сколько нового начинаешь понимать, чувствовать в поэзии Пушкина, прочитав эти несколько страниц!

И не только о поэтическом творчестве говорит Мартынов, в его книге немало выстраданных, всесторонне обдуманных выводов, касающихся литературы вообще. Вот два из них.

«Я полагаю, что Всеволода Иванова еще не прочли и не оценили по-настоящему, и такая оценка будет ему еще дана, если не в конце нашего, то в начале будущего века».

«...я уверен, что если отказаться от практики переизданий одних и тех же произведений Грина и наконец издать полное собрание его сочинений, то всем станет ясно, что Грин

был не только прекрасным романтиком, но и одним из блестящих критических реалистов — и при всем том — писателем русским до мозга костей!»

Это — открытия. Открытия, побуждающие читателя сделать их вслед за автором самому.

Выше было сказано лишь об одном аспекте, об одном пласте «Воздушных фрегатов» (условно назовем его литературным). Он самый важный и самый обширный в книге. Он не только целиком включает в себя такие повеллы, как «Круглая звезда Айналайн», «О пользе критики», «К проблеме перевода», «Петефи», но и присутствует в других. И это понятие: перед нами книга человека, с юных лет профессионально работающего в литературе.

Но Мартынов предстает перед читателем не только как профессионал-литератор, но и как умудренный жизненным опытом мыслитель, человек обширных и разносторонних знаний. Особенно характерны в этом отношении две последних

новеллы — «Юрип камень» и «Курган среди асфальта», осмысливающие прошлое в его нерушимой связи с настоящим. Шестилетняя девочка находит в подмосковной деревне кусок ископаемого кораллового рифа — след древнего океана, бушевавшего над этими местами. Курганы древних славян над Истрой соседствуют с остатками окопов, вырытых защитниками Москвы в 1941 году. Мартынов пишет о «чувстве прародины», о том, как возникает у человека потребность узнать или хотя бы предположить: откуда он, где его корни...

Конечно же, с особым интересом читают «Воздушные фрегаты» сибиряки и, в частности, омичи. «Кто только не писал или не упоминал о нем, — сказано об Омске в самой первой повелле, — и Достоевский, и Менделеев, и Ленин, и академик Майский, и казахский писатель Сабит Муханов, и американец Кеннан, и англичанин полковник Уорд — в разное время и по разному поводу, — так не попытаться ли мне добавить ко всему этому то, что знаю?»

А знает и помнит автор «Воздушных фрегатов» немало. С Омском связаны его первые

детские впечатления о жизни. Здесь написаны первые стихотворные строки. По старым омским газетам разбросаны многие сотни репортерских и библиографических заметок, которыми юный Мартынов зарабатывал на жизнь. Омск пред- революционный, Омск времен гражданской войны, Омск непоторимых двадцатых пред- ставляет перед читателем в ярких, написанных точными и смелыми мазками картинах. Память автора сохранила имена десятков людей, с которыми он общался в те годы, и среди них — писатели Всеволод Иванов, Виван Итил, Петр Драверт и Антон Сорокин, будущий композитор Шебалин, председатель губисполкома А. П. Оленич-Гненепко, художники Уфимцев и Мамонтов.

Омские футуристы, летчики, тихие интеллигенты, солдаты, нищие жители Мариупольских землянок, кочевники-казахи, графоманы, крестьяне прир- тышских сел и станиц, матросы, актеры, железнодорожники — обширно и разнообразно население книги. Почти каждый запоминается, ибо выписан сочно, по-мартыновски. При этом автор исходит из гуман- ной мысли: мемуаристу «особен- но надо быть внимательным к людям забытым, непреславив-

шимся, канувшим в Лету, говорить и вспомнить о которых нам мешает чаще всего огляд- ка, глупая неуверенность, опасение, как бы из этого чего-ни- будь не вышло».

Один из критиков, анализи- ровавших «Фрегаты», Е. Сидо- ров, говорит о составивших книгу повеллах: «Каждая но- велла, по сути, есть разверну- тое стихотворение со своим сюжетом, ассоциативным хо- дом, со своей ритмической ор- ганпзацией». Ассоциативность книги — одна из главных ее черт. И именно ассоциативная раскованность отличает мему- арную сторону «Фрегатов» от литературы подобного рода: до Мартынова никто, пожалуй, не писал мемуаров так необычно, в такой оригинальной для это- го документального жанра ма- нере.

Вот повелла «Мокрый фор- штадт». Здесь все построено на ассоциациях — близких и далеких, лежащих на поверх- ности и глубинных, внутренних. Да, случайно совпадение на- званий омского Мокринского форштадта и села Мокрое, с которым связаны одни из луч- ших страниц «Братьев Карам- зовых» — тех самых страниц, где описана поездка в Мокрое Мити Карамазова, ставшая пи- ком его сумбурной, забубенной

жизни. Да, омская дантистка Круковская и та Круковская, что в свое время сыграла оп- ределенную роль в биографии Достоевского, скорей всего лишь однофамилицы. Но, чита- тая историю о пепуевом акте- ре, который помог двадцати- летнему Мартынову постичь сущность великого писателя, мы не можем не согласиться с выводом: «Люди не часто уме- ют свежим взглядом увидеть то, что их окружает. И нечто удивительное и неповторимое, увы, кажется им самой буд- ничной, самой серой обыден- ностью». Это верно, — так же, как и то, что мнимый отде- убийца несчастный арестант Ильинский, увековеченный по- том в образе Мити Карамазо- ва, ходил когда-то рядом с арестантом Достоевским имен- но по омским и даже, может быть, по мокринским грязным улицам...

Нет, недаром сравнили но- веллы «Фрегатов» со стихотво- рениями! Обычно только поэ- зии на столь малой площади доступен столь широкий ассо- циативный охват фактов прош- лого и настоящего, столь сме- лый и далекий полет мысли.

Что ж, все правильно: ведь это не просто проза. Это про- за Поэта.

А. АЛЕКСАНДРОВ.